

Источник: Буртин Ю. «Может быть, это мои прощальные письма...» / Ю. Буртин // Новый мир. — 1969. — № 10. — С. 241–245.

«МОЖЕТ БЫТЬ, ЭТО МОИ ПРОЩАЛЬНЫЕ ПИСЬМА...»

Александр Яшин. Бессонница. Лирика. «Советская Россия». М. 1968. 336 стр.
Александр Яшин. День творенья. Новая книга стихов. «Советский писатель». М. 1968. 208 стр.

Первая из этих книг еще застала автора в живых, и в больничной палате он еще успел надписать несколько ее экземпляров своим близким друзьям. Вторая — подготовленная и составленная тоже самим поэтом — появилась через полгода после его смерти.

Таким образом, по горестному обстоятельству, книги оказались итоговыми. Что ж, пожалуй, они действительно в состоянии принять на себя эту особую ответственность. Правда, Яшин тридцатых годов, военного времени и, наконец, того первого десятилетия после войны, когда вместе с высокой премией (в 1950 году, за поэму «Алена Фомина») пришли к нему почет и известность, представлен в названных сборниках лишь тремя десятками стихотворений, а все остальные помещенные здесь стихи написаны за последние десять—двенадцать лет. Но дело в том, что именно в этот последний период, многое передумав и во многом себя переломив, Александр Яшин написал свои несомненно лучшие вещи, которые, можно надеяться, надолго сохранятся в живом фонде русской литературы.

Сборник «Бессонница» открывают стихи о правде (1959):

Я как будто родился заново,
Легче дышится, не солгу,—
Ни себя, ни других обманывать
Никогда уже не смогу,
Если б даже хотел, не смогу.

(«По своей орбите»)

И не раз еще на протяжении книги автор вернется к этой мысли, решению, обещанию.

Во имя грядущего нашего
Попробуем не приукрашивать
Ни мыслей своих, ни заслуг,
Ни прошлого, ни настоящего.
Ужели не сможем, друг?

(«Торжественное обещание»)

Такие стихи, где некоторая декларативность оправдывается и окупается остротой чувства, насущной потребностью высказаться прямо и до конца, пишутся обычно на переломе, в начале нового этапа. Для Яшина он ознаменовался в первую очередь обращением к прозе.

Повесть «Сирота» и очерк «Вологодская свадьба» подтвердили, что обращение их автора к прозе не было случайностью: в читательском восприятии Яшин-прозаик на некоторое время даже заслонил Яшина-поэта. В действительности же они между собой не спорили, а скорее дополняли друг друга. Как прозаик Яшин обычно ведет остропроблемное повествование о современности, зато как поэт он в те же самые годы все дальше уходит от повествовательности прежних своих стихотворений и поэм. Дело тут было, по-видимому, не в каком-то сознательном стремлении автора разделить «сферы влияния» своих стихов и прозы, а в том общем процессе усиления лирического начала, захватившем в пятидесятые годы нашу поэзию, который справедливо связывают с восстановлением суверенитета личности, с повышением ее ценности в общественном сознании.

Но еще важнее подчеркнуть другую сторону дела: лирика Яшина пятидесятых — шестидесятых годов вырастает на той же

эстетической и нравственной основе, что и его проза.

Поэт ни в малейшей степени не придумывает себя, не заботится о том, чтобы выглядеть перед читателем покрасивее, позначительнее, поинтереснее. Многие его стихи даже как бы не предполагают слушателя — так они просты и непритязательны:

Рябчики в снегу
В сухом,
Пушистом.
Поле чистым,
Берегом лесистым
На лыжах бегу...
Бьюсь,
Гнусь,
Крадусь,
Вышагиваю,
А наткнусь —
Вздрагиваю.

(«Рябчики в снегу»)

Свобода, от условий литературной игры сказывается здесь и вольностью стихового размера, и непринужденностью строфической организации. Изобразительность письма словно бы не стоит автору никаких специальных усилий: осторожный ход охотника на лыжах так и видишь, а между тем он показан одними глаголами!

Правда, иной читатель, со школьной скамьи запомнивший, что в любом литературном произведении главное — идея, испытает, вероятно, некоторое разочарование, не найдя здесь никакой «идеи», кроме переживаний неутоленного охотничьего азарта. Но разве не стоят иной теоретически выраженной идеи — просто-напросто сухой, пушистый снег и рябчики в нем? А вернее сказать — они сами и есть «идея», беря это слово в настоящем, не школьном его понимании. В последних книгах Яшина много сосен и елей, ягод и грибов, медведей и зайцев, много трав, пчел и птиц, много воды и неба. И все это богатство становится достоянием читателя, потому что оно душевно освоено самим поэтом. Нужно ли считать недостатком непосредственность художника, которому окружающий мир интересен и важен сам по себе (а не только теми мыслями, какие он вызывает) и который свободен от тщеславного стремления любое свое житейское впечатление или настроение поднимать на уровень «философских обобщений»? Едва ли, тем более что там, где Александр Яшин именно думает, мысль поэта обычно серьезна и существенна, надежно обеспечена его соб-

ственным, личным опытом, свежа и современна.

И в прозе и в стихах Яшин много — со знанием и с пониманием — писал о деревне. Однако он никогда не был «крестьянским писателем» — ни в смысле исключительности своего пристрастия к этой теме, ни тем более в том особом, полемическом смысле, какой придают этому понятию иные нынешние литераторы, для которых колхозное их происхождение превратилось в такой же неиссякаемый источник самоуважения, каким в свое время для поэтов «Кузницы» и «Пролеткульта» была их классовая пролетарская чистота. В отличие от подобных литераторов Яшин не декламирует о добродетелях голубоглазого кормильца-мужика, а с живым вниманием и сочувствием описывает подлинную жизнь современной деревни, стремясь помочь «мужику» невыдуманному, реальному в его нелегкой повседневности:

Я подбираю старательно

слово к слову:

«Речка — овечка — местечка...

дорогу — логу...»

А сенокосы

по речке Козловке

снова

Снег заметает.

Опять — ни скоту, ни богу.

Веточный корм собирали молодки, бабки,

Вброд по озерам осоку серпами жали,

Травку таскали домой

по охалке,

по шапке...

А заливные луга

кругом

стоят как стояли.

(«Желтые листья»)

Эти горькие строки, написанные в пору неразумных административных ограничений хозяйства колхозника, эта досада на себя и чувство вины перед земляками за свое бессилие помочь им более действенно, может быть, лучше всего говорят о том, какой прочной была внутренняя связь поэта с народной жизнью и как остро и сильно он ее ощущал. Не будь этой связи — не было бы и угловатой определенности яшинского письма, бескомпромиссной честности его стихов и прозы.

По содержанию, по общей своей тональности сборники «Бессонница» и «День твоего» довольно сильно разнятся.

«Я как будто родился заново...» — начал поэт свою предпоследнюю книгу. И в

самом деле, если попытаться из множества самых различных мыслей и настроений, которые в ней выразились, выбрать какую-то основную, наиболее устойчивую лирическую тему, то такой темой, несомненно, явится мотив обновления. С этим мотивом здесь связано несколько ярких поэтических удач.

Промыли в окнах стекла
Студеною водой:
Весь мир казался блеклым,
Теперь он молодой.
Как будто бы промыли
Самим себе глаза.
Яснее проступили
Окрестные леса.
Не спутаешь с осиною
Березки нежный дым,
Речушка стала синей,
А небо — голубым...
И что всего дороже —
В домах моих друзей
Светлее стало тоже,
Промыты окна все.

(«Промыли в окнах стекла...»)

Легко ошутимая двуплановость этих стихов не превращает их в плоскую аллегорю: не в ущерб своему непосредственному содержанию они органически заключают в себе объемную, многозначимую, общую мысль, созвучную оптимистическим умонастроениям своего времени.

По естественной связи вещей, тема обновления обычно соединяется у Яшина с весной. К множеству прекрасных «весенних» стихов, созданных русскими поэтами прошлого и нынешнего века, он прибавляет свои, никого не повторяя:

Вабочка ожила,
Летает у потолка,
Трепетных два крыла,
Словно два фитилька...
Вот, подмавав к окну,
Бьется она в стекло.
Может, это весну
В комнату занесло?
Перестая дышать,
Глаз не оторву,
Только б не помешать
Воскресшему существу!

(«Вабочка ожила»)

Забота о новой, только что родившейся или возродившейся жизни порой приносит в книгу А. Яшина тревожную, драматическую ноту («Едва раскрылись первые цветы, доверчиво оттаяла природа, как сно-

ва — вероломство, непогода, и холодом дохнуло с высоты»). Однако и в этом стихотворении («Заморозок»), и в других «весенних» стихах сборника верх берет светлая нота радости и надежды.

Обновление мира — мотив, разумеется, не новый. В тридцатые годы, когда выходили первые сборники стихов Яшина, в них, как и в творчестве многих других поэтов того времени, постоянно звучала та же самая, казалось бы, тема — «раньше и теперь», тема радостных перемен в человеческой жизни. Отражая (пусть подчас преувеличенно и односторонне) действительно разительные изменения, которые происходили тогда в городе и в деревне, стихи такого рода отличались, однако,гой особенностью, что лишь в относительно малой степени касались «внутреннего человека». Речь шла преимущественно о переменах в общественном бытии; молчаливо предполагалось, что, освобождаясь от бедности и лишений, человек уже тем самым становится и счастливым и внутренне совершенным. В стихах Яшина, написанных на рубеже пятидесятых и шестидесятых годов, мотив «раньше и теперь» наполнился существенно иным содержанием. То обновление, которое стало основным мотивом сборника «Бессонница», есть обновление прежде всего нравственное. Это было обретение новых этических ценностей («новых» в том смысле, что каждый человек и каждое поколение приходит к ним в свой час и по-своему): правды, доброты, совести. Отсюда — исповедальный и часто безжалостно-самокритический характер многих стихотворений сборника; отсюда — их уже отмеченная программность. Программными были и заключительные строки, где выражен новый строй взаимоотношений человека с миром, основанный на доверии, искренности и любви:

Без страха брожу по осоне,
По гальке,
Через поля.
Древсы не боюсь на тропке...
Все лишние электроток
Берет из меня земля.
А с ними,
Почти бесследно,
Рассасываясь, как вода,
Все злое,
Дурное,
Вредное
Уходит в песок навсегда...

(«Добру откроется сердце»)

Стихотворение, откуда взяты эти строки, датировано 1963 годом. Примерно здесь (может быть, чуть позже) и пролегал хронологический рубеж между двумя рецензируемыми книгами: в «День творенья» вошли стихи, написанные автором в основном за три-четыре последних года его жизни.

Слово «рубеж» в данном случае не преувеличение: весь тон и характер этой книги существенно отличает ее не только от ранних книг Яшина, но и от предыдущего сборника. Поэт не покидает «своей орбиты», но находится уже явно на другом ее «витке». Его «переходный возраст» («Тревожно и грозно, тем боле, что поздно и мой наступил переходный возраст», — писал он лет десять назад) закончился, время программных поэтических деклараций прошло. Наступила пора жить на отвоеванном нравственном и эстетическом плацдарме, осваивать его вглубь. Круг предметов, привлекающих внимание автора, остался в основном прежним, но там, где раньше порой лишь декларировался некий гуманистический принцип, теперь появилась конкретность и глубина. В стихотворении «Люблю все живое» были, например, такие привлекающие по выраженному в них чувству, но несколько риторические строки:

Доверие птиц умею ценить:
Бывает легко на душе, когда
Случайно удастся жизнь сохранить
Птенцу, упавшему из гнезда.

В книге «День творенья» эта тема вернулась в целое маленькое стихотворение, которое хочется привести полностью:

В болоте целый день ухлопав,
Наткнулся я на кулика.
Он из гнезда, как из окопа,
Следил за мной издалека.
Как трудно быть ему героем:
Того гляди, возьму живьем,
А он один в гнезде своем,
Как в поле воин
Перед боем
С противотанковым ружьем.
Взлетать иль нет?
А вдруг замечу,
Со всем хозяйством загублю?
А не замечу —
Искалечу,
Ногой сослепу наступлю?
Зачем играть со смертью в прятки?
Я на него взглянул любя
И — мимо, мимо без оглядки...
Сиди, родимый,
Все в порядке,
Я просто не видал тебя.

(«Кулик»)

Очень простые, прозрачные, скромные, ненарядные, незффектные строки, как прост и незффектен Яшин почти во всех (и в том числе во всех лучших) своих стихах. Но сколь много в них сочувствия живому, родственному существу — сочувствия, рожденного пониманием, тонким и точным! Чтобы написать эти простые строки, чтобы так почувствовать переживания птицы, нужно было и на войне побывать, и вообще на собственном опыте узнать, как в самом деле «трудно быть героем», особенно в том случае, если рисковать приходится не только собой. Жизненный путь давал ему достаточный материал для такого знания.

Углубление в окружающий мир и в себя самого, обогащение и усложнение душевного опыта — процесс, отражающий движение общественных умонастроений и сказавшийся в эти годы на творчестве далеко не одного Александра Яшина, — ведет поэта к осознанию противоречивости жизненных явлений, открывает в них новые грани. Это не вызывает никакой новой переоценки ценностей, но там, где вчера еще царила полная ясность, сегодня подчас вырастает проблема.

Приехала сестра.
Не виделась пять лет.
— Поди, уже стара,
Узнаешь или нет?
Узнать почти нельзя.
Ее ли в том вина?
Гляжу во все глаза:
Она иль не она?..
Какая ж так гроза
Смогла ее согнуть?
Гляжу во все глаза:
Сказать иль обмануть?

(«Сказать иль промолчать?..»)

Маленький житейский эпизод, но в нем — сложность действительной жизни, дающая себя знать на каждом шагу. Дело, понятно, не в том, будто поэт готов реабилитировать неправду: сама прямота и резкость, с которой он формулирует свой главный вопрос («сказать иль обмануть?»), говорит о том, что его нравственная позиция не подверглась никакой эрозии. И вместе с тем вопрос этот отнюдь не риторический. Автор действительно не знает, как ему поступить, и мы тоже едва ли могли бы взять на себя смелость подсказать ему однозначное удовлетворительное решение. Ясно одно: такая постановка вопроса со-

держательнее и мудрее, чем едва ли не всякий ответ на него.

«Во многих мудрости много печали». Нельзя сказать, чтобы более диалектический и углубленный взгляд на жизнь, выразившийся в последней книжке стихов Александра Яшина, прибавил мажорности их звучанию: их общий тон как бы несколько понижен. Это не означает, что в последние годы своей жизни поэт стал пессимистом. Просто он — еще в большей степени, чем прежде, — не может удовлетворяться оптимизмом бездумным, не желающим искать для себя достаточных оснований. Характерна в этом смысле та трансформация, которой в стихотворении «Весенние ожидания» подверглась тема радостного обновления природы, столь широко представленная на страницах его предыдущей книги. Заявленная вначале более или менее традиционно:

Заметно весны дыхание,
Уже в колеях до колен,
Все замерло
В ожидании
Неведомых перемен,—

эта тема получает в итоге иное, неожиданное разрешение:

С терпением,
Со смирением,
Устав от душевных смут,
Друзья мои
Потепления
Как манн небесной ждут.
Вдруг что-то взыграет, вспенится,
Как свет по земле пройдет...
А, собственно, что изменится,
Весна же не первый год!

Трезвость, ирония, горечь, печаль, глубокое раздумье — вот определения, которых невозможно избежать при характеристике значительной части стихотворений, вошедших в последнюю книгу Яшина. Что ж, если в жизни мы печали и страданию обычно предпочитаем радость и веселье, то в поэзии их права равны. Были бы только эти чувства человечны, глубоки и истинны, а не

навеяны литературной модой. В этом у читателя книги «День творенья» не возникает никаких сомнений; нам вполне очевидно, что выраженные в ней переживания ничуть не преувеличены. Напротив, последние его стихи, как правило, отличает благородная сдержанность, позволяющая прочесть в них больше того, что непосредственно содержится в словах.

Не все стихотворения, вошедшие в рассматриваемые сборники, столь сильны и лаконичны, как те, что приведены были выше. Не все они и столь общезначимы (в таком смысле, в каком вообще бывает обобщенным и общезначимым лирическое «я»). В будущем (надо надеяться, недалеко), когда будет издаваться «Избранное» Александра Яшина, сборники «Бессонница» и «День творенья» войдут в него, быть может, не целиком. Но несомненно, что основу этой будущей книги — наряду с прозаическими его вещами — составят именно они.

...У Яшина есть несколько стихотворений, посвященных Бобришному угору. Там, на высоком, поросшем сосновым лесом берегу реки Юг, в полудне ходьбы от родной своей вологодской деревни Блудново, поэт несколько лет назад построил себе дом. Это был не просто новый дом — это было начало новой жизни.

Все — чему сердце радо,
Все — для ума и души,
Детство и юность — рядом,
Рябчики
И поляши.
Большого в жизни не надо —
Только сиди
Пиши...

(«Обнова»)

Но пожить и поработать в новом доме пришлось недолго. Еще не успели потемнеть от дождей его бревенчатые стены, как в десяти шагах от него вырос могильный холм — вечное жилище поэта.

Ю. БУРТИН,